АТОМНЫЙ ШТУРМАН

«Взрывная волна обогнула Землю дважды: все льды на острове Северный превратились в пыль, пополам с грязью». — Крымчанин Вениамин Сабуров делится своими воспоминаниями об участии в ядерной программе

Ясный взгляд, связная речь, крепкое рукопожатие. И не скажешь, что Вениамину Михайловичу 92 года. На три часа беседы он стал суровым испытанием для моего умения быстро записывать. Каждая его мысль заканчивалась или вопросом «Ты записал?» или фразой «Ну-ка, глянь, — ты там записывал...».

В обстановке строгой секретности

— Как вы попали в ядерную программу? Вам предлагали или вы сами вызвались? И не было ли среди авиаторов конкуренции, ведь участие в этой программе, наверняка, сулило хорошую карьеру?

— Нет, все происходило в обстановке строгой секретности — отбирали людей с нужными навыками и приказом направляли на новое место службы. Часто мы и не знали, куда едем. Представь, приезжаем, как выяснилось, в Багерово, а там посреди поля дощатая будка с надписью «Вокзал» и три казармы за колючей проволокой. Там базировалось 40 человек — 10 офицеров и 30 солдат. Аэродром был с земляной полосой да парой самолетов. Сначала испытали схему КС-1 «Комета» — противокорабельные авиаракеты с наведением по радиолучу. Целью был списанный крейсер, стоящий в Казантипской бухте. Сделали 40 пусков, в том числе и с ТУ-16. И перешли на метание массогабаритных макетов атомных бомб разных классов. Пришлось даже специальную яму на летном поле рыть — в нее клали макет, сверху накатывали самолет, открывали люки и грузили бомбы.

— А снаружи бомбы не подвешивали?

— Сначала нет. А когда вес бомб стал под 28 тонн, начали подвешивать... В Багерово мы испытывали разные методы метания малых бомб. Бросали и визуально следили, как она падает. «Земля» тоже следила — через радары — изучали траекторию полета бомбы. Данные шли в Москву.

— А в Семипалатинск вы как попали?

— В обстановке строгой секретности (улыбается). В 1953-м была очень снежная зима. Той зимой наш полк получил 6 новых реактивных самолетов и приказ на перевод. Я понятия не имел, куда мы едем. Кое-кто знал и на вопросы отшучивался: «В Сингапур!» На тот момент там базировались два ТУ-4 из Прилук. К тому времени в Семипалатинске уже провели наземные испытания РДС-3 и РДС-4. Бомбы клали на землю, ТУ-4 налетал на место взрыва, и по сигналу его штурмана производили подрыв. Испытывали — выдержит он или нет? И ТУ-4 выдержал. Дальше самолет самостоятельно сбрасывал бомбу и также налетал на взрыв.

— Бомба весит тонны — не руками же вы ее из самолета выталкивали?

— Нет, конечно. Была система электрокреплений, которые размыкались нажатием кнопки. Схема такая — на район цели заходят два борта — носитель и дублер. Носитель сбрасывает бомбу по сигналу. Дублер несет или макет, или настоящую бомбу — зависит от летного задания — и его экипаж отрабатывает те же действия, что и носитель. Это как «откатка» алгоритма, так и бросок настоящей бомбы, если техника на носителе отказала. Руководство старалось, чтобы все экипажи полетали дублерами. На тот момент нам пришли ИЛ-28. Хотя была и пара Су-7Б — на них делали броски с больших высот на сверхзвуке. Тогда для Су-7Б еще не было бомбардировочных прицелов — только появлялся запрос на систему, делающую за экипаж расчеты, — и метание вели штурманским расчетом. Представь, самолет бросает бомбу и летит с ней вниз, чтобы пилот видел, как она падает!

— И сколько времени расчеты у вас занимали?

— Полчаса, 10 минут... Припрет, и за минуту можно посчитать.

— Читал книгу об испытаниях на Новой Земле — вроде как на полигоне строили целые города, сбрасывали на них бомбу, а потом по району взрыва ходили специалисты и изучали воздействие взрывов. Было ли такое на Семипалатинском полигоне?

— «Целый город» — это ты загнул! Ядерные испытания — это не чемпионат по метанию боеголовок, а сложная, многоуровневая работа. Да, инженерные войска строили мосты, бункеры, туннели, укрепления, а после взрыва учились разбирать завалы. ВДВ проводили учения по высадке в район прорыва обороны ядерным ударом. А на боевое поле свозили пушки, танки, паровозы, списанные самолеты — изучали, как на них подействует ядерный взрыв... или несколько взрывов. Часто на разном удалении от взрыва ставили шесты, на которые вешали гирлянды утвари — кружек, ложек, тарелок... — а потом собирали их в специальные ящики и везли в институт города Курчатов (Казахстан).

— Это же огромные массы радиоактивного мусора! Куда его девали?

— Ядерный полигон — это не только боевое поле. Там целый город построили — Курчатов! А в нем огромный радиологический центр. Институты, испытательные лаборатории — например, институт радиоагрономии. Изучали влияние радиации на выращивание тех же огурцов. Были и животноводческие комплексы, где выводили подопытных животных! Еще есть место свалки отходов — там и сейчас, наверное, фонит.

— А с медобслуживанием личного состава как обстояло? Это же огромная нагрузка на организм.

— Тогда о том, что радиация делает с людьми, наука имела расплывчатое представление. Дозиметрию делали, давление измеряли, анализы какие-то брали. Все, чем советская медицина тогда располагала, было и у нас.

Хуже любой бомбы

— Страшно было под радиацию подставляться?

— Об этом особо не думали. Большинство летного состава Великую Отечественную прошли, и радиация их не пугала. Да и некогда в полете переживать — напряжение огромное, давление на борту скачет, бросок надо сделать за секунды, а на лице маска с темными стеклами, чтобы вспышкой не ослепило. Представь, на Як-28 мы заходим на район цели, бросаем бомбу с кабрирования и по летному заданию должны пройти над взрывом. И все нормально — бросок секунда в секунду, цель поразили... Проход над взрывом на 5000 метров, и вдруг 18-тонный самолет, как фантик, подбрасывает на километр вверх! И ведь управление даже не потеряли... Потом радист аккуратно спросил: «Что с тобой? Ты никогда не матерился».

Вениамин Михайлович Сабуров родился в 1929 году в дер. Туринская Слобода Свердловской области. С 1937 по 1947 год учился в средней школе и работал в сельском хозяйстве.

ИЗ ДОСЬЕ "МК"

1947 год — призван в армию и направлен курсантом в Чкаловское военное авиационное училище штурманов, которое окончил в 1950 году.

1950-1952 — проходил службу штурманом самолета Ил-28 в 173 авиаполку (г. Калинин) под командованием Василия Сталина. В 1951-52 годах участвовал в воздушных парадах над Красной площадью.

1952-1972 — служба в 35 БАП (35 ОСИАП) 71 полигона ВВС в должностях штурмана-испытателя, старшего штурмана-испытателя, штурмана звена, авиаэскадрильи, авиаполка.

1953-1961 — в составе авиагруппы 71 Полигона ВВС участвовал в испытаниях ядерного оружия на Семипалатинском полигоне в качестве штурмана самолета-заборника Ил-28, выполняя полеты по отбору проб радиоактивных продуктов непосредственно из облака ядерного взрыва.

1962 год — испытания ядерного оружия на полигоне Новая Земля. Входил в состав группы Голубева Г. Т., командного пункта управления полетами, расположенного непосредственно на Новой Земле.

1965 год — в составе экипажа самолета-заборника Як-28РР (командир Публицков В. И.) осуществил отбор проб радиоактивных продуктов подземного ядерного взрыва на р. Чаган с выбросом грунта в атмосферу.

1973 год — уволен из рядов Советской Армии в запас в звании подполковника.

До 1983 года работал руководителем полетов в аэропорту г. Керчи.

За участие в ядерных испытаниях и безупречную службу был награжден тремя орденами Красной Звезды и 11 медалями.